

478

Леонид Якобсон. Одно из самых ярких и, пожалуй, загадочных имен в истории отечественного балета. Орел таинственности всегда возникает вокруг непознанного, творчество же этого щедро одаренного художника и по сей день остается в большей своей части неразгаданным «островом сокровищ». Он начинал в 30-е. Затем, как свидетельствуют справочники, «в течение ряда лет театры страны отвергли многочисленные творческие предложения балетмейстера». Ничего удивительного, если учесть, что мастер был убежден: «Тысячи людей кончают балетные школы и прекрасно танцуют, а говорить на языке танца редко кто умеет». И он решительно и дерзновенно ломал стереотипы балетного театра, стремился вывести искусство хореографии на качественно иной смысловой уровень. Взлет его популярности

приходится на конец 50-х — середине 70-х годов. «Якобсон нетерпим и порывист, он резко, азартно спорит в искусстве сам и вызывает ожесточенную полемику вокруг себя. Это поистине «спорный» художник в самом прямом и самом лучшем значении этого слова», — так охарактеризовал его Б. Львов-Анохин. А вот еще одно высказывание:

«Сочинить — значит сказать свое, неповторимое слово. Теперь, когда Якобсона нет с нами, надо направить усилия к тому, чтобы сохранить молодой театр Якобсона и продлить его творческую жизнь на многие годы. Чтобы в коллективе не угасла любовь к балету и увлечение хореографией. Вера в ее образную силу. В чудо ее фантастического многообразия». Эти слова, сказанные

в 1977-м, через два года после смерти мастера, принадлежат Аскольду Макарову, формально — преемнику Якобсона. Ведь именно Макаров возглавил любимое якобсоновское детище, ансамбль «Хореографические миниатюры»...

Моего собеседника зовут Николай Якобсон. Он сын Леонида Веняминовича Якобсона. В настоящее время вместе с матерью живет в Соединенных Штатах Америки. Семья не только бережно хранит богатейшее наследие балетмейстера, но предпринимает реальные шаги для того, чтобы уникальное искусство вновь обрело достойную жизнь на родине, где, будем откровенны, его сейчас по-настоящему почти никто не знает. Недавно в Ленинграде учрежден советский фонд Леонида Якобсона. Аналогичный американский фонд был создан незадолго перед этим.

ных миниатюр, которые составят программу — предполагаем выпустить ее в мае. В подготовке гала-спектакля, а он фактически ознаменует официальное открытие нашего фонда, примут участие Малый оперный театр, коллектив Натальи Касаткиной и Владимира Василева, а также те исполнители, которые откликнутся на приглашение фонда, мы распространили его через СТД РСФСР.

— Вы упомянули балетную школу, которую предполагаете создать при фонде Якобсона. Где она будет функционировать?

— В перспективе — и здесь, и в Америке, и, вероятно, в других странах. Отец вынашивал идею школы, в которой, повторяю, синтезировались бы все виды пластических искусств. И она должна стать международной. Скажем, для начала можно было бы

новки в них осталось немного. Вступить в юридические споры мы не хотим — пусть решают специалисты. За мечу лишь, что одна из задач фонда — упорядочить авторские права в области хореографии. Мы сотрудничаем и с ВААПОм, и с американскими юридическими фирмами, и полагаю, что в недалеком будущем этот вопрос тоже будет решен.

Кстати, база ансамбля, которую с таким трудом «пробивал» Якобсон и на основе которой предполагал создать ультрасовременный «комбинат» балета, соответствует ныне его замыслам где-то процента на три. Мы бы могли найти средства перестроить помещение и перенести весь центр нашей работы туда. Но с нынешним руководством «Миниатюр» говорить об этом бесполезно, они ведь даже наложили вето на все имеющиеся у них архивные материалы, фонограммы, ничего снимать на пленку, нам во всяком случае не разрешается. Но конфликтовать с ними у нас желания нет. Как говорится, время рассудит.

— Так как все-таки получилось, что все эти годы богатейшее творческое наследие Леонида Якобсона, выходящее популярным ныне кинематографическим языком, «лежало на полке»?

— Когда в 1975 году отец умер, коллектив оказался на грани исчезновения: было принято решение присоединить его к Малому оперному театру. Мама была в ансамбле репетитором, ассистентом балетмейстера, вложила в становление «Хореографических миниатюр» немало сил. И в память об отце она хотела сохранить труппу. И ей это удалось. Неожиданно для нас Министерство культуры, которое при жизни никогда не поддерживало Якобсона, на сей раз проявило внимание. По личному распоряжению П. Н. Демичева решение о слиянии с МАЛЕГОТОм отменили. Маме предложили взять на себя художественное руководство, но она отказалась, попросив сделать художественным руководителем коллектива Аскольда Макарова. Он был исполнителем многих ведущих партий в папиных спектаклях, некоторое время даже работал директором «Хореографических миниатюр». Ну а потом... Потом постепенно стало исчезать имя отца с афиш, появились произвольные изменения в якобсоновских программах, резко упало качество исполнения, и вообще дух творчества куда-то ушел... Через некоторое время Майя Плисецкая пригласила маму на полгода в Большой театр ассистировать ей в постановке «Чайки». Когда же она вернулась в Ленинград, то прочитала на стенде приказ о сокращении своей ставки.

Любопытный момент — как ведут себя один и те же люди в разных обстоятельствах. Артисты из «Хореографических миниатюр» после смерти отца приходили к нам домой, просили до глубокой ночи, заверяли, что будут «сохранять и продолжать». Но стоило сменить политические руководства труппы, как они стали совершенно другими. Я понимаю обстановку того времени — они люди, им тоже хотелось хорошо жить. Общение же с нашей семьей грозило невезением за границу, неполучением квартиры или машины, невыплатой зарплаты и другими «не»... В общем, как говорят в таких случаях, бог им судья. Но оставаться в полном отчуждении тоже было невозможно.

Три года нас не выпускали за рубеж. Официальная формулировка звучала так: «Утечка репертуара может повредить отечественному искусству». Ничего курьезнее я, признаться, еще

в своей жизни не встречал. Но все-таки в конце концов нам разрешили уехать, и вот в 1982 году мы оказались сначала в Риме, а затем в Калифорнии, в Сан-Франциско.

— Как складывалась в Соединенных Штатах жизнь вашей семьи и конкретно ваша — вы ведь, насколько я знаю, по образованию художник? Что предшествовало созданию фонда?

— Что касается меня, то я действительно всегда чувствовал себя художником, хотя профессиональное образование так и не закончил: ушел из Мухоминского училища. Слишком уж много было там казенщины, если можно так сказать. На Западе первые года полтора рисовал очень активно, а потом как отрезало. Вероятно, слишком тяжело переживал шок — а это действительно шок — переселения в иную культурную среду, когда все вокруг другое. Иная психология, иная система координат, сама суть существования иная. Это сложно объяснить, но любой человек, который переживал подобное, поймет меня с полуслова.

Это серьезная проблема. Длится такое состояние, как правило, три-четыре года, потом наступает относительная адаптация. Почему относительная? Лично я убежден, и мои наблюдения подтверждают это, что люди, прожившие значительную часть жизни в одной среде, оказавшись в принципиально отличной, все равно не могут достичь полного психологического комфорта. Особенно когда речь идет о контрасте западной и советской общественных систем. Мы ведь воспитываемся в атмосфере постоянной борьбы с окружающей действительностью, и в этой борьбе как бы обретаем себя. А в Европе или в Америке ты свободен, на каждом шагу тебя встречает потрясающая организация, любая информация доступна, возможности передвижения неограниченны, так же, как и возможности самовыражения. Но все это как бы замкнуто на тебе, твоих личных интересах, и ты можешь заниматься своим делом лишь в той степени, в какой оно волнует конкретно тебя. В итоге у многих возникает чувство отчуждения, одиночества, своей ненужности. Вот почему большинство наших эмигрантов все время движутся как бы в замкнутом пространстве, ограниченном этим четырехугольником: здесь хорошо, но здесь плохо, там, в оставленной жизни, плохо, но там хорошо. Ведь имея возможность делать то, что хочешь, необходимо четко знать: а чего ты хочешь?

Нам, можно считать, повезло. Мама почти сразу получила приглашение в Амстердамский балетный театр поставить отделение из миниатюр Якобсона по Родену. И потом она опытный педагог, и ее то и дело просят о сотрудничестве. В частности, тот же Гамбургский балет. Кроме того, мама является постоянным ассистентом балетмейстера и репетитором балетной труппы Сан-Франциско. И что для нас особенно ценно и радостно: в последние годы стал резко расти — и не без влияния культурных перемен в Советском Союзе — интерес к творчеству отца. Заявки на восстановление различных спектаклей и номеров Леонида Якобсона поступают и от театров, и от телевизионных компаний. Так что наш фонд родился, на мой взгляд, очень вовремя. И это главное.

Беседу вела
Марина ЮРЬЕВА.

● А. Шелест — Эгина. «Спартак» А. Хачатуряна в постановке Л. Якобсона.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ

— Все началось, когда я чуть больше года назад приехал в Советский Союз и увидел, что это возможно, — рассказывает Николай. — Изменение политической ситуации здесь, в СССР, дало импульс самой идее. Мама, признаться, была настроена скептически — она видела столько зла от чиновников, которые всю жизнь «давили» отца, не давали ему работать, что не верила в возможность каких-то перемен. Однако я нигде не встретил никакого противодействия, даже наоборот. Нашлось много энтузиастов, готовых реализовывать вместе с нами наши идеи и планы: СТД РСФСР, его ленинградское отделение, Малый оперный театр, коллектив Бориса Эйфмана, Ваганювское училище — всего в Ленинграде у нас десять учредителей. Правление фонда возглавляет искусствовед Валерий Звездочкин. Он прекрасно знает творчество отца, сейчас готовит к печати его литературное наследие.

Ну а конкретной отправной точкой для создания фонда стал приезд Кировского балета в Сан-Франциско. Мы встретились с Олегом Виноградовым и подписали предварительное соглашение.

Американский и советский фонды существуют как бы независимо друг от друга, но это временная ситуация. Речь идет, по сути, о двух филиалах одной организации. Ведь фонд в Америке должен собирать деньги на определенные цели. «Выбить» в США деньги в нашей ситуации невозможно без творческого участия с советской стороны.

В деятельности фонда уже выразили желание участвовать Наталья Макарова, Олег Виноградов, Владимир Васильев, Джон Ноймайер, Алла Осипенко, Борис Эйфман, Михаил Барышников, представители бизнеса и политики. К примеру, Геннадий Олференко, который создал Фонд социальных изобретений СССР, — его филиал существует в Сан-Франциско. Кстати, когда Геннадий работал еще в Новосибирске, был научным сотрудником, он создал там объединение «Терпсихора», которое на неформальном, скажем так, уровне очень поддержало коллектив отца. Его ведь сначала пытались закрыть, потом устраивали блокаду — в течение четырех лет запрещалось показывать «Хореографические миниатюры» вне Ленинграда. Правда, спектакли все равно шли с аншлагами, театр выжил.

Недавно мы беседовали с Арманом

Хаммером — он также дает свое имя и войдет через представителя в совет директоров. Мы бы очень хотели пригласить Майю Плисецкую, которая всегда относилась к отцу с большим уважением и любовью. И, конечно, мы очень рады, что уже сейчас в американский совет вошли представители и Советского Союза, и Соединенных Штатов. Согласитесь, в этом есть нечто символическое.

— Каковы ваши планы? — В нашем уставе записано право на самую разнообразную деятельность: от репетиционной, постановочной, гастрольной, издательской до культурного туризма, развития международных связей, строительства культурных объектов и так далее. Но если говорить о сверхзадаче, то, разумеется, мы исходим прежде всего из того, что необходимо восстановить во всей полноте наследие Леонида Якобсона. Ведь как невозможно «выдернуть» из живописи Шагала, из литературы Солженицына и Бродского, так невозможно и «изъять» из контекста хореографии Якобсона.

Символическое совпадение: отец родился в один год и месяц с Баланчиным, они вместе начинали учиться танцу. В дальнейшем один пошел в Америку, другой остался в Союзе. Один фактически стал родоначальником американского балета, другой — если бы ситуация сложилась иначе — мог бы основать новую школу советского балета. Репертуар Баланчина живет, к нему постоянно обращаются разные театры, Якобсона же практически никто, кроме небольшой группы специалистов, по-настоящему не знает. А ведь он подлинный реформатор балета. Между прочим, отец никогда не воевал с классикой, как это ему зачастую приписывают, но он всегда доказывал, что время требует создавать на ее основе новый язык. Поэтому в дальнейшем, если, конечно, все пойдет удачно, мы надеемся открыть при фонде свою школу и обучать будущих исполнителей и классике, и основам свободной пластики, идущей еще от Айседоры Дункан (кстати, Якобсон работал с ней в тридцатые годы), и акробатике, и различными направлениями танца модерн...

Короче, так же, как фонд Баланчина несет ответственность за сохранение наследия этого хореографа, за чистоту исполнения его репертуара, мы будем выполнять аналогичные функции по отношению к Леониду Якобсону. И, кстати, надеемся на тес-

ное сотрудничество с фондом Баланчина, поскольку творчески нас сближает очень многое.

Отец оставил огромное наследие — литературное, фото-, видео-, кино-, материалы. Частично нам удалось что-то вывезти — сейчас этим принято гордиться, а в те годы приходилось действовать не совсем легально. Все это необходимо систематизировать. Кстати, существует замечательный фильм режиссера Алексейчука, который был запрещен еще в ходе работы над ним. Сам же Алексейчук вынужден был эмигрировать, много лет живет на Западе. Сейчас ведутся переговоры о восстановлении этой ленты, в которых в качестве одной из сторон принимает участие «Ленфильм».

Я уже упомянул книгу, которую готовит к печати в Ленинграде Валерий Звездочкин. Еще одну книгу, которая пока имеет рабочее название «Хореографические «преступления» Леонида Якобсона», мы сейчас тоже потихоньку начали собирать. Она будет основываться на интервью со всеми, кто знал отца, сотрудничал с ним в разные годы, с теми, кто сейчас живет в Союзе и на Западе, балетными «звездами», художниками, композиторами и, может быть, даже с чиновниками от искусства — пенсионными и теми, кто пока функционирует.

В самое ближайшее время начнем издавать свой бюллетень балетного искусства — где-то раз в месяц или раз в два месяца. Ну и, естественно, постановочная работа. Здесь наш принцип — гала-спектакли с привлечением актеров разных трупп. Уже сейчас Кировский театр приступил к репетиции балета «Клоп» и отдель-

открыть филиалы в Ленинграде, Гамбурге, Сан-Франциско. Хотим приглашать педагогов-универсалов, способных преподавать разные направления современного танца, пластики.

— Николай, вот мы сейчас говорим о том, что творчество вашего отца по сути мало известно здесь, на его ро-

дине. Но ведь в Ленинграде существует труппа «Хореографические миниатюры», которой продолжает руководить Аскольд Макаров и в репертуаре которой спектакли, поставленные Якобсоном? Кстати, почему этот коллектив не вошел в число учредителей и спонсоров вашего фонда?

— Таково условие моей матери, Ирины Давыдовны Якобсон: она дала согласие на учреждение фонда только при условии, что нынешнее руководство «Хореографических миниатюр» не будет принимать в этом участия. Да, у нашей семьи есть свои человеческие и творческие претензии к Аскольду Макарову, но это, так сказать, наши внутренние дела. Не хотелось бы только, чтобы кто-то думал, будто мы отказываемся работать с самим коллективом, напротив, мы мечтали бы возродить по-настоящему труппу, ведь это наша постоянная боль. Да, формально какие-то якобсоновские вещи сохраняются в репертуаре, но любой добросовестный профессионал вам подтвердит: от первоначальной поста-